

Михаил Шабашов

Тю!

Истории с географией

Михаил Шабашов

Тю!

«Издательские решения»

Шабашов М.

Тю! / М. Шабашов — «Издательские решения»,

Сборник рассказов о сценках из жизни простых людей, размышления
и воспоминания о доброте и дружбе. Словом, о том, что сейчас в дефиците...

Содержание

Памятник доброте	6
Берега разлук и встреч	7
Не москвичам	10
Родительский дом	11
Еще о бабушке	13
Выше всех	15
Татьяна & к	16
Душ	19
Тетя Мария	23
Тетя Галя	26
Говорит мама	28
Проводы лета в красном лимане	32
Тиха украинская ночь	38
Туризм	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тю!
Истории с географией
Михаил Шабашов

*Светлой памяти моих родителей:
Шевченко Евгении Федоровны
Шабашова Григория Петровича
Шабашовой Александры Георгиевны*

© Михаил Шабашов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Памятник доброте

*«Геночка!
Мы родились 24.12.89 г. в 23 часа 50 минут. Вес 3 кг 90 грамм, рост 54 см.
Мне можно молочко, кефир, творожок, сырок и все только молочное. Никаких фруктов,
никаких соков!
Мы – твоя копия, папочка!
Геночка, на выписку нам надо:
распашоночку холодную и теплую байковую;
пеленку холодную и байковую;
подгузник из марли;
одеяло возьми у мамы Светы.
Акушерке – коробку конфет, цветы.
Обещали на Новый год выписать.
Целуем – мы!»*

Это подлинная записка о рождении мальчика Артема, которая до сих пор хранится у его мамы.

Слово «подгузник» уже вытеснили памперсы. А Геночка давно не живет с ними. Но что может быть трогательнее и главнее такого свидетельства жизни?

Своим приходом в этот мир человек дарит радость. Скорее всего, смысл жизни и состоит в том, чтобы эта способность у нас не стиралась за время земного пути.

Говорят, что ругать себе подобных нельзя – все мы дети Божьи, и Он нас любит всех. Другое дело, как мы сами распоряжаемся своей жизнью...

На одном кладбище я увидел потрясающую эпитафию:

«Не проходите мимо, посетите мой прах.

Я уже дома, а вы еще в гостях».

Древняя мудрость.

А то, что в гостях нельзя вести себя неприлично – истина. Но многие ли ее придерживаются?

Поэтому доброте и простоте человеческой хочется поставить памятник. Может быть, эта книжка и станет бумажным прототипом одного...

Не знаю, что я тут понаписал, но клавиши выстукивали те слова, которые накапливались в суетливые дни и извлекались душевными ночами из седой памяти, останавливая взгляд в абстрактной точке...

Берега разлук и встреч

...В довоенном Сталино, потом ставшем Донецком, Татьяна Ивановна Богаенко жила с дочкой Женей. Как мать и гражданка, Татьяна Ивановна была существом суровым. Существом – потому что была одинокой. Суровым – потому что она несла бремя директора городских детсадов. (Нет начальства строже, чем незамужняя женщина.)

Внешний облик Татьяны Ивановны совпадал с внутренней строгостью. Отсутствующие у матери красоту и доброту восполняла дочь.

Когда началась война, они вместе с детсадиками были эвакуированы на Урал, в город Серов.

После окончания войны дончанки жили там еще год, который Жене подарил встречу с Гришей, а потом ошпарил разлукой.

Он прошел военными тропами от Курской Дуги до Берлина. Их познакомили на какой-то вечеринке. Они были красивой парой. Отношения между ними были чистыми и возвышенными. Ими любовались, на них заглядывались, и, в конце концов, видимо, сглазили...

Ссора примитивная – есть такой сорт человеческих взаимоотношений. Он предложил пойти на танцы, а она хотела в кино. Он ждал ее в клубе, она его – в кинотеатре. Нашла коса на камень. Обида вздулась до невероятных размеров. Они перестали встречаться, испытывая уступчивость друг другу. Общие друзья недоумевали и металась от одного «лагеря» к другому с попытками примирить пару. Но безуспешно...

Татьяна Ивановна была чрезмерно занята судьбами чужих детей, чтобы еще отягощаться проблемами собственной дочери. Да и как бы, интересно, это выглядело бы с ее суровостью? А Жене и в голову не приходило, чтоб в джунгли своей девической души впускать мать, которая и дома не переставала быть начальницей.

...В разгар ссоры наступил день, когда эвакуированных стали возвращать домой. Когда Женя с матерью уезжала, Гриша провожать не пришел.

После отъезда любимой он ходил как в тумане. Его мать, женщина простая и наблюдательная, посочувствовала, как могла:

– Чтой-то ты, сыночек, как неживой ходишь... Ну, уехала. Дык чо ж теперь-то, всю жизнь горевать? Эвона, Шурка-то соседска, изгляделась вся на тебя. А ты, поди, и не замечашь! Не слепой ли?!

...Из Донецка Женя часто писала письма друзьям в Серов. О том, что работает в городском суде, что скучает по всем им, что – как там Гриша?

Ухажеров у нее хватало. Однако сердце было занято тем, кого никто другой заменить не мог. Вместе с тем она понимала, что вместе им не быть. Он сюда приедет? А где жить? Всем в одной комнате? Или ей в Серов вернуться? А мама?...

Через полгода Гриша и Шура поженились. Жене об этом сообщили в письме серовские друзья.

Жить надо даже тогда, когда любви нет. Во всяком случае, – рядом. Женя вышла замуж за молодого судью. Симпатия к нему была, но не больше. Цветы носил, в кино водил, на танцах от себя не отпускал... Как потом она говорила, «человек вроде хороший был...»

Лекарь по имени Время если не вылечивает до конца, то хотя бы рубцует раны... Их обоих почти одновременно жизнь затолкала туда, где шансов на новую встречу бывших возлюбленных, как правило, не бывает.

...Прошло 24 года. Они не виделись, но знали друг о дружке все благодаря тем же серовским друзьям, которые неумоимо переписывались с Женей, а иногда даже приезжали в гости.

Она знала, что у Гриши трое детей, что Шура, работая в пельменной, от изобилия закуски пристрастилась к выпивке, и что он своим детям – и мать, и отец, и на дуде игрец.

А о том, что Женя переехала в небольшой городок под Донецком с необыкновенным названием Красный Лиман, что она развелась с мужем (он оказался тоже падким на спиртное) и вместе с Татьяной Ивановной воспитывает единственного сына, знал Григорий.

...Однажды к нему пришли их общие друзья и в очередной раз увидели, как он хлопочет по хозяйству, а Шура в это время спит под воздействием снотворного из чекушки. Гости закатали рукава, и когда сели отметить наведенный порядок, кто-то обронил:

– Гриш, а не хочешь съездить в Лиман?

– Да вы что? Как это? Да ну... – растерянно ответил он, будто ему предложили ехать в Париж.

– Неужели не хочешь увидеться? – разговор повели уже всерьез. – Подумай! Женя согласна. Даже Татьяна Ивановна, и та не возражает, чтоб ты у них погостил. Старшие-то твои уже на ногах, а с младшим что? У пьяной мамки учиться будет?!

Друзья сначала написали эту идею в письме Жене, получили от нее «добро», а теперь подъехали к Грише.

...Перед очередным отпуском он сказал Шуре, что на заводе ему дали путевку в санаторий. Она тут же предложила это дело обмыть...

В Красном Лимане ему понравилось. А он вызвал симпатию даже у Татьяны Ивановны.

Женя сохранила привлекательность. Возраст, как известно, с красотой не расстается, а только ее подчеркивает.

Сама жизнь подталкивала их к исправлению чудовищной ошибки, из-за которой ни у него, ни у нее жизни, собственно, и не сложилось...

К тому времени старшая дочь Гриши уже была замужем, средний сын служил в армии, а младший только пошел во второй класс.

Саша, сын Жени, заканчивал 10-й класс.

Грише тогда было 50 лет, Жене – 46. И они решили соединить свои судьбы. «Забирай-ка ты своего младшенького и приезжай к нам» – постановила Татьяна Ивановна, сохранив за собой лидерство и на пенсии.

...Спустя полгода, Гриша получил развод, который дался, конечно, тяжело.

Через год, теплым украинским мартом, они приехали в Лиман. Женя стала для 10-летнего пацана матерью, Саша – братом, Татьяна Ивановна – бабушкой. По-настоящему.

...С Саней мальчик сошелся быстро. Татьяну Ивановну он сразу стал называть бабушкой. А вот Женю он избегал как-либо называть. Ни мамой, ни тетей Женей. Это у нее вызывало волнение. Прошло уже два месяца, и живут вроде бы хорошо, а вдруг мальчику что-то не нравится?

В конце мая, когда весна заблагоухала роскошеством природы, он где-то нарвал небольшой букетик полевых цветов и, чувствуя страшную неловкость, подошел к Жене. Глядя себе под ноги, отдал цветы со словами:

– Это вам, мама...

– Миленький ты мой!!! – Женя обняла мальчонку, заплакав от радости.

С тех пор он стал называть ее мамой. Но обращался к ней только на «Вы». Перейти на «ты» как-то не хотелось.

Самым нелюбимым словом для приемного сына стало «мачеха». Какое-то оно колючее, чужое и совсем-совсем не то. Очень плохое слово...

Когда старший сын Гриши отслужил армию, он тоже приехал в Лиман и свою судьбу выстраивать стал там.

Шура о себе не напоминала ни письмами, ни открытками. Однажды к ним в гости приехала дочь с мужем. Из груды гостинцев выложили банку сгущенки, и сказали, что это от мамы...

... Через 8 лет Григорий и младший сын сами наведались в Серов. В гости к дочери, родственникам, друзьям. О встрече с Шурой речь не заходила. Они столкнулись случайно, на улице. Она мало изменилась. Говорят, пьющие люди заспиртовываются...

– Ой-ей-ей! Батюшки-светы! Кого это я вижу-то? – удивилась Шура. – Нешто Мишка? Эка, вырос-то как! Ну, так чо, пойдём, выпьем-то!

Гриша грустно улыбнулся.

– Нет, Шура, извини... Ты чего ж так-то?

– Дык чо, пошла к Зинке, а у ей выпить нету. Вот иду тут к одним. Там давеча поросенка зарезали, звали... У тебя есть рупь? – она разговаривала так, будто перед ней стоял сосед.

Гриша оторопело достал какие-то деньги. Шура засуетилась в благодарностях.

– Ай да парень, – она потрепала сына за челку, – вырос-то, вырос... Ну, я пойду.

И пошагала. Они смотрели вслед уходящей...

Больше они не виделись. Это была их единственная встреча со дня отъезда и до конца ее жизни, в которой Шура оставалась верной только рюмке. Алкоголизм – это болезнь, затмевающая реальность. Осуждать больного человека как-то не по-людски. Тут уместны другие чувства...

Шура меня родила.

Женя – воспитала.

Поэтому у меня две мамы.

Не москвичам

Из большого города ты едешь домой, в маленький. В качестве последнего испытания попадаешь на огромную сортировку, именуемую вокзалом. Людской поток заносит тебя в вагон. Пропущенный через шестеренки мегаполиса, ты валишься без чувств. А другие почему-то всегда начинают искать проводника, свои места и пиво.

...Какая-то женщина потеряла сумку с паспортом и колбасой. Ей сочувственно все зевают.

Проход усеян багажом. Пассажиры, не вытерев пота, начинают вытаскивать помидоры, огурцы, яйца, хлеб. Под аккомпанемент хруста и присмактывания появляется с грохотом толстая тетка, которая катит впереди себя тележку и зычно кричит: «Дайте дорогу! Едет сыр, колбаса, лимоны, кефир. Кефир 20 рублей».

– Мне никакой кефир не заменит паспорта! – трагически бросает растеряша, хлопая себя по необъятным бедрам...

Проход расчищается, и все лезут за деньгами в укромные на туловищах места.

А тебе все почему-то становится безразличным. За окном по-мультишному бегут шпалы соседней колеи. Вагон покачивается и тебя постепенно убаюкивает мысль о доме.

В наступившей темноте ты улавливаешь огоньки каких-то деревенских домиков. Там сейчас не спеша пьют чай, наверное... Почему-то именно не спеша...

За мгновение до того, как весь вагон уснет, по проходу опять гроыхает буфетчица с коляской и автоматическим громкоговорителем из груди: «Молоко, сыр, котлеты, конфеты...» И тебе становится жалко ее, жизнь ее такую...

Утром просыпаешься, когда весь вагон уже тилибомкает ложками об стаканы и шуршит обертками от печенья. А дом уже близко – леса образуют знакомый пейзаж. И душа твоя наполняется предчувствием скорой встречи с родным городком, его воздухом, его людьми. Людьми, о которых никогда не забудешь и по которым никогда не перестанешь скучать. И которые говорят так, что остается только записывать за ними...

Родительский дом

Матушка моя, славная дочь славной Украины, говорила на стыке русского языка с украинским. Отец – уральская душа. В совершенстве владел русским. Разговаривал, как диктор Кириллов.

– Грыша, та нэ бэры ты то полотенце! Оно ж похганое! – возмущается, к примеру, матушка.

– Как это – поганое? – недоумевает отец. – Поганым может быть только ведро!

И так – всю их совместную жизнь, за которую ни один грамм отцовского спокойствия не переключал в потешную суету мамы. Своим союзом они наглядно демонстрировали философскую категорию единства противоположностей, но при этом жили как голубки. Мама отца называла Грышей, он ее – Евгенией Федоровной. Ругательство у Грыши было одно – сакабока... (Что это такое и откуда – так и не узнал...)

Жили мы в своем доме – дрова носили в сопетках (плетеные корзины), уголь, воду – ведрами.

Когда была бабушка – мамина мама – было сложнее, потому в доме сосуществовали два ходячих принципа – зять и теща. Бабушка любила (!): топить печку, следить за порядком в погребе и окучивать грядки. Отцу не всегда нравилось, как все она это делала... Когда теща исчезала из поля зрения зятя, тот переделывал все по-своему. Претензии друг к другу они предъявляли маме. Происходило это во время завтрака, обеда или ужина и подавалось в виде нудного бурчания бабушки и угрюмого молчания отца.

Конфликты были, например, такого рода:

– Шо ж це вин зробыв, га? Я ж ото грядочку гарнэнько подгорнула, а вин взяв и пэрэкопав усэ! – бухтела бабка.

– Ой, та мама, ну и хай себе! Шо ж теперь, опять все перегортать, чи шо? – успокаивала дочь.

– Грыша, а на шо ты копал? Ты ж бачив, шо там все в порядке... – умиротворяла жена.

– А она сегодня печку опять сама растопила. Вот она никак и не разгорится! – «оправдывался» отец... И т. д.

...Перед смертью бабушка слегла. Жизнь угасала потихоньку.

Однажды, открыв глаза, она пролепетала:

– Женя, дай мне лекарство.

– Якэ? Шо у тебя болит? – с готовностью спросила мама.

– Та дай то, шо 10 капель...

Мама стала выбирать, что же больной дать из вороха лекарств «шо 10 капель».

– Шо там в погребі делается? – обеспокоенно спросила бабушка.

– Та все хорошо, все в порядке, – накапывая лекарство, ответила мама.

– Я в погреб хочу, – раздалось шепотом.

Мама аж лекарство пролила:

– Та ты шо?! Ну, куды ты отака больна – и в погреб?!

Бабуля умоляюще дрогнула бровями...

– Ну, хорошо, спущу я тебя в погреб... – высказала матушка половинчатое согласие, чтоб не огорчать старушку. Та благодарно закрыла глаза, представляя, вероятно, себя среди консерваций.

– А потом шо?! – категорично отвергла предположение мама, – кран вызывать, шоб тебя вытащили?! Ты ж сама знаешь, яки у нас неудобные ступеньки!!!

И это действительно так – ступеньки в погреб были какие-то неодинаковые, кривые...

Зимой бабушка умерла. Летом приезжаю на каникулы. Среди глобальных новостей мама сообщила и такую:

– Ой, Грыша-то лестницу в погреб зрбыв. Дервянненьку. Приставишь – и так удобно залазить, так удобно! И чего это он раньше не додумался?! Бабушка так хотела в погреб, так хотела...

Еще о бабушке

В 1979 г. она купила цветной телевизор! На отложенные от пенсии (!!!) деньги! Это тогда была приблизительно такая же редкость, как сейчас – откладывание пенсионных средств.

– Ось, решила хоть перед смертью в цвете подывиться телевизор...

«Рубин», кажется, был. Включали очень просто – вилку в розетку и все. Тогда было одно центральное телевидение. Как-то брат решил поискать еще и украинский канал и начал что-то там вертеть. Бабушка не любила такого «издевательства» над техникой:

– На шо ото його крутыть? Включив в розетку и дывись, шо там показывают. Так не, обязательно надо круть-вэрть...

...В шестом классе бабушка же меня отвела в редакцию местной газеты «Зоря коммунизма». Так я стал юным корреспондентом, чем невероятно гордился. В принципе, бабуля и определила мой путь. Да она и сама когда-то была рабкором – показывала мне многочисленные публикации за подписью Татьяны Черешни...

Иногда я думаю, – если бы отец не увез меня с Урала, если бы бабушка не отвела в газету, – кем бы и каким я стал?! И тут же отвечаю матушкиной фразой: «Та я вже поняла: кому шо на роду суждено, – так тому и быть...»

Она пробыла 50 лет в партии! За это ее наградили масюсеньким значком, который можно было рассмотреть разве что в микроскоп...

Как-то, в году 73-м, брат принес транзистор. Такое чудо впервые появилось у нас в доме. И случилось небывалое – мы всегда ложились спать в десять вечера, а тут засиделись до полуночи, крутя это чудо техники. Саня поймал даже, помнится, «Голос Америки» или «Радио Свобода»! Около 12 ночи бабушка сама захотела приобщиться к этому «волшебству». Она, как миноискателем, медленно прокручивала колесико, будто что-то искала. Наткнулась на волну привычного Всесоюзного радио, где сказали «В Москве полночь». И грянул Гимн Советского Союза.

– Вот шо надо слухать! – назидательно произнесла она, и, подперев голову рукой, замолчала. Мы так были ошарашены, что не стали мешать ее наслаждению...

Лицо у бабушки было все испещрено морщинами. (Видимо, следуя законам природы, у мамы внешняя и внутренняя молодость сохранилась до последних дней...)

Однажды за завтраком, раскладывая мне, папе и бабушке аппетитные отбивные с благоухающим пюре, мама сказала:

– Я ото дэсь прочитала, шо от мяса морщины образуются. Так я вам большие отбивные положу, а себе – маленькую.

Бабушка, вняв полученной информации, скомандовала:

– Ну, тоди мне мяса совсем не надо...

...Яркой вспышкой было известие о том, что бабушка... Впрочем, все по порядку.

Однажды к нам из Донецка приехала ее подруга молодости Дуся. Довольно крупная женщина, которая работала в психбольнице в отделении буйно помешанных. «Ей психи шось там отбили» – шепнула мне мама.

Помню, как после ужина бабушка произнесла:

– Ну, шо, Дусь, давай вспомним время наше боевое?

– А шо ты хочешь? – ответила басом подруга, будто в их арсенале была масса возможностей...

– Та ось шо, – с этими словами бабушка из кармана извлекла ...пачку «беломора» и протянула подруге. Та взяла папироску, и бабульки залихватски закурили!

Я обалдел! Это была экзотика какая-то! Что-то нереальное. Курящих женщин я тогда вообще еще не видел! А тут – совершеннейшие бабули... (Помнится, также точно меня пора-

зили женщины на велосипедах. Лиман в этом отношении напоминает Китай.) И у меня появилось ... чувство огромной гордости за бабушку и ее подругу!

Примечательно, что мама о такой привычке бабушки знала, но никогда не говорила! А та курила почти каждый вечер. Говорила:

– Пиду звезды посчитаю!

И уходила в туалет, где «втихую» покуривала... Открыто дым пустила только однажды. Может потому, что больше Дуся к нам не приезжала...

Кстати, о звездах. Я и впрямь думал, что бабушка каждый вечер считает их на небосклоне. О чем и хвалился одноклассникам. Те восторгались! Во втором-то классе мы всему верили...

Память зацементировала и следующий факт. Через дорогу от нас жила одинокая старушка – Софья Арсентьевна. Всю жизнь была учительницей начальных классов. Одно время она даже работала вместе с бабушкой. Они приятельствовали лет 30, если не больше. Ходили в гости друг к дружке, вместе в магазины прогуливались. Дружили, словом. Диалоги были приблизительно такие:

– Шо це вы робытэ, Татьяна Ивановна? – спрашивала гостя, увидев бабушку на крыльце с веником.

– Та оцэ ж каждое утро выхóдю та пыль пидмитаю, Софья Арсентьевна. И откуда вона бэрэться – хто зна!

– Ой, и нэ кажить, Татьяна Ивановна, у мэнэ тоже пыль есть. Вымитаю-вымитаю, а вона есть и есть...

Потом бабушка приглашала подружку завтракать:

– Давайте, Софья Арсентьевна, покушаем! У нас сегодня вермишель с икрой из синенек!

– Та не, Татьяна Ивановна, спасибочки...

– Та прохóдьте, Софья Арсентьевна, прохóдьте. Вы ж еще не ели вермишель с икрой?

– Та не ще.

– Ото ж и попрубуете! Я сама только вчера подумала, – а шо, если добавлять икру? И вы знаете – очень вкусно получилось!

И мы втроем (я, шестиклассник, был третьим) садились завтракать...

Они славно обсуждали какие-то рецепты, что-то еще... Мне было совершенно нескучно со старушками, и я с упоением слушал их разговоры.

Но в их многолетнем общении меня поражало то, что они обращались друг к другу исключительно на «вы» и только по имени-отчеству!!! Я думал-думал, что ж этому могло послужить? И остановился на мысли, что у них была дружба из XIX века! Может, потому что бабушки, как потом выяснилось, учились в пансионе благородных девиц? А может, это поколенческое воспитание?! Не устаю этому поражаться каждый раз, как только вспоминаю их милые посиделки...

А мой отец, заводской работяга, называл матушку тоже только Евгенией Федоровной. Откуда сие?!..

Выше всех

...В детстве у меня было одно странное желание – забраться на шкаф и оттуда молча смотреть на все, что происходит в комнате. Как кто-то приходит, что-то делает, что-то кому-то говорит... Да разве взрослые бы поняли меня? Ну что это – ребенок молча сидит на шкафу? Тю... Но однажды я все-таки удовлетворил эту непонятную потребность! Как-то на чердаке нашего сарая я обнаружил огромную пустую коробку – не иначе, как из-под холодильника. И в одно поистине прекрасное летнее воскресенье я сказал маме, что пойду погулять, а сам незаметно забрался на чердак, подтащил коробку к открытым дверцам, улегся в нее, стал смотреть на мир с высоты полета насекомых. И тогда я открыл для себя много нового!

Прежде всего, небо стало ближе. Тогда же я узнал, что от тишины в ушах появляется тонкий звон, и что сама тишина очень пуглива! Стоило пролететь мимо какой-нибудь мухе – и все, тишины как не бывало! Ощущение того, что я никому незаметен, наполняло меня чувством неизведанной доселе отрешенности и какого-то превосходства: ты видишь все, а тебя – разве что скворец, удивленно цвирикающий на ветке ближайшего клена... Парящие в немыслимой вышине ласточки вообще вселяли уверенность, что вот взмахни я руками – и тоже полечу вместе с ними... Со своего «чердачного» уровня я другими глазами смотрел на шелестящие ветки деревьев, крышу дома, старую грушу, готовую одарить нас огромным урожаем... Когда шея уставала, я опускал голову и смотрел, что происходит внизу.

...Вот мама вышла из летней кухни с какой-то миской и пошла в сторону курятника. Ее радостно провожает Шарик, наш славный песик. «Хороший, хороший. Но это не тебе. Ты вон еще суп не съел, барбос такой!» – ласково говорит ему мама. Через мгновение слышится радостное кудахтанье. На обратном пути она зашла в наш небольшой огородик – проверила, как там помидоры? Вернулась на кухню, и оттуда возникли такие уютные звуки, которые могут извлекать только мамы – вальс посуды, чечетка ножа, свист масла на сковородке. Симфония будущего обеда...

Тогда я впервые понял кайф тихого созерцания – когда просто смотришь и все. Без всяких мыслей в голове. Просто констатируешь – что происходит...

Татьяна & к

Она скорее была похожа на молдавскую цыганку, чем на хохлушку – по красоте, по бойкости. По всему. Губа не дура была у моего сводного брата, ее мужа. Потом губа его стала душой, и он развелся.

Татьяна сама не понимала, какое она чудо! В ней наверняка были подмешаны какие-то одесские гены.

Ее нетленки я стал фиксировать, когда стал студентом журфака МГУ:

– Ну, расскажуй, як там вы там живете? Общежитие у вас там чи шо? – спросила она в мои первые каникулы.

– Да-а! Общежитие у нас роскошное! 16 этажей из стекла и бетона! – хвалился я.

– Скоко этажей?!?! – изумилась она.

– 16.

– О-го-го! А ты був на 16-м этаже?

– Ну а как же?! Конечно, был.

– М-м-м. Сухай, а мухи там литають?!

Я оторопел. Даже вспомнить не мог, чтобы возле меня очень отчетливо пролетала муха именно на 16 этаже...

– Ну конечно летают! Что же им еще делать? – сам себя убеждал я.

– О-о-о-го! – неожиданно воскликнула Татьяна.

– А что тут такого? – удивился я.

– Ото так высоко вони литають?!! – голос, вспорхнувший до фальцета, говорил об ее громадном изумлении.

Я был обескуражен. И действительно. Надо же? Я и сам задумался. Лифтом, наверное...

– А преподаватели у вас яки? – без перехода продолжала она. – Профессора, наверное, есть?

– О, да! – расцвел я. – Есть уникальные личности!

И стал рассказывать о гениальной Кучборской – «маме» зарубежной литературы всяких веков; о профессоре Ковалеве, об импозантной Татариновой... И получалось так, что я произносил: «Она потрясающая старушка... А этот – удивительный дедушка... Преклонные года ее только украшают...»

Тю, – воскликнула Татьяна, – сухай, а преподаватели у вас мрут?!!..

...Только за одну ее фразу Татьяну можно занести в антологию сатиры и юмора: «Ой, Ми-и-иша, столько денег, сколько нэма сейчас, у меня никогда не было!»

...Какой-то «новый украинец» строил огромный дом. Весь город наушничал: «Вы бачили отэ чудо? Ото людям деньги девать некуда...» Идем с Татьяной мимо чуда этого. Окна большие, стекла – зеркальные. Рамы – сплошные, без перегородок. «Тю! Окна як в овощном магазине!» – мгновенно оценила этот дизайн моя спутница.

...В закуске на Украине никогда недостатка не испытывали. Все ж свое. От свинины и курятины до фруктово-овощного разнообразия. А вот в выпивке... Водка – по большим праздникам. На свадьбу, проводы в армию или похороны. Да и то только в начале. Для затравки. Основным напитком служит самогонка. Одни ее сами изредка гонят. А на всякий пожарный случай всегда есть соседи, у которых это дело поставлено на поток.

Я же физиологически не переношу даже запах самогонки. Самым лучшим моим напитком там было восхитительное виноградное вино, которое делала матушка. Эксклюзивное. Виноград-то там есть везде... Но все спрашивали: «Женя, як же ты ото его робышь? Як? Так и я ж так. Но у тебя такое вкусное!»

...Как-то приехал в Лиман очередным летом. Во дворе у Татьяны растут слива, вишня, груша, яблони, абрикосовое дерево. Дима, ее второй сын, тогда уже учился в ПТУ. Парень безотказный. Я его попросил:

– Диментий, нарви мне, пожалуйста, вишен! Они наверху такие спелые...

Он тут же полез и наполнил пол-литровую банку этой вкуснятиной. Я поблагодарил:

– Ой, спасибо огромное! Пусть твоей женой станет принцесса Монако!

– А кто це? – удивился Дима.

– Как кто? Ты что, не знаешь, кто такая принцесса?!

– Та не. Це я знаю. Монако – шо то такое?

Меня понесло:

– Ди-и-ма! Ты что?! У вас в школе географии не было?

– Та... – отмахнулся племянник. – Ну, скажи, шо це таке – Монако то?

Мимо проходила Татьяна.

– У мамы спроси! – посоветовал я.

– Шо мама? Шо опять мама?! – сходу атаковала та.

– Тань, твой сын не знает, что такое Монако!

– Тю! – опешила она. – А я почему знаю?!

Разум этих добрых людей СВОБОДЕН от ненужной им информации. С другой стороны, спросите у кого угодно в том же Монако – знают ли они, что такое Красный Лиман?!!

...После развода Татьяна жила одна. Был период, когда повадился к ней ходить женатый слесарь из того же вагонного депо, в котором Татьяна, кстати сказать, после окончания школы и до конца своей жизни работала аккумуляторщицей...

Как обычно говорят в таких случаях, – неизвестно, что она в нем нашла. Жену он не бросал, к Татьяне приходил то на день, то на неделю... Звали его Коля. Года три он пудрил ей мозги, а потом, наконец-то отстал. Но не об этом речь...

Еще в разгар их синусоидных отношений Татьяна позвала меня, чтоб похвастаться, какой ремонт она сделала в доме. Все побелила, переставила мебель, повесила новые шторы... Я, как госприемка какая, положительно оценил наведенный марафет... Потом спросил:

– Ну, альков-то твой как теперь выглядит?

– Та кто зна! Завиявся дэсь. Уже три недели нэма!

– У тебя что, кровать украли?! – опешил я.

– Тю. Яку кровать? Я тебе про Кольку отвечаю!

– На фиг он мне... Я сказал – альков.

– Як?! Альков?! А шо це?

– Ну, где ложе...

– Кто ложе? Кого ложе?

– Ну, как тебе сказать... Это место, где муж ложит жену, если уж на то пошло... Или наоборот...

– Ну тебя! – кокетливо улыбнулась Татьяна. – Так бы сразу и сказав! Кажи вже по-русски!

Мы ж университетов не кончали...

Повествовать о ней сложно одним сюжетом. Все время приходится перемежать словом «как-то».

Как-то вечером сидим, переговорив уже почти обо всем. И тут меня осенило:

– Тань, как ты думаешь, что сейчас делает София Ротару?

– Тю, придумав! Я откуда знаю? – справедливо удивилась она.

– Ну, все-таки... – не отставал я.

– Та мабуть же ж с детьми сидит, с мужем...

– А Эдита Пьеха?!

– Пьеха? – подхватила игру Татьяна. – Песню, можэ, новую учит...

– А Пугачева?

– О-о-о, та фифа в ресторане сидит! Це ж Алла...

Частенько первый вопрос о Москве у нее такой: «Ну, шо там Пугачиха? С Филей все? А то я на базаре чула, шо уже они развелись...»

(Через несколько лет они и правда развелись!)

...Зашел однажды к Тане и застал в гостях подружку и соседку.

– О, наш москвич пожаловал! – радостно приветствовала меня хозяйка.

Мое появление вспугнуло содержание их разговора, но потом оно вернулось на свою орбиту. Гости рассказывали о каких-то знакомых им тетках и дядьках... Получалось, что характеристики были не ахти. Кто-то забор новый поставил («Из шифера! Це ж яки деньги надо иметь?»), кто-то загордился («Прошла на базаре мимо и не поздоровкалась! Я ее окликнула, а вона – ой, не увидела! Ага, як же...»), кто-то одевается черт те как («Напялила на себя красну кофту и зеленые босоножки. Як попугай!»)...

Татьяна не участвовала в этой словесной голгофе. Она только изредка и наигранно вставляла: «Та вы шо? О-о, ото да!...» Когда ей (уж не говоря обо мне) надоел этот базар, она подвела черту:

– Та хай живут люди...

Глобальная фраза, если вдуматься...

Словом, Таня сама не понимала, какое она чудо!

Душ

У Татьяны летний душ с огромной бочкой для воды с метр высотой, а в объеме такая, что в ней можно легко плескаться вдвоем. С крыши этого душа видны все огромные огороды Тани и ее соседей, на которых им есть чем заниматься весной, летом и осенью.

Однажды Татьяна сказала мне:

– Завтра у тебя будэ свободнэ время?

– Для тебя всегда найду! А что такое?

– Ну, тогда мы с тобой воды накачаем в душ!

– Да легко!

Назавтра я к ней пришел.

– Ты давай залазь, а я буду бегать, – буднично сказала она.

– Бегать? – удивился я. – Куда бегать?

– Ты ж не знаешь... Ты шо, тут же у нас система «нипель»!!!

И объяснила: воду из колодца качает насос. Летом каждый вечер приходится поливать большущий огород (колы вже той дощ будэ?). Поэтому воды уходит много. Так много, что исчерпывается почти весь колодезный запас. И весь следующий день вода снова накапливается. Поэтому днем напор очень плохой.

Насос находится в доме. Дом в метрах в тридцати от расположения душа.

– Сюхай сюда, – начала инструктаж Таня. – Я буду стоять на стреме. Як ото вода уже не будэ иты, ты свистнешь мне.

– Я ж не умею свистеть...

– Тю. Ну тоди крикнешь шо-нибудь. Або рукой махнешь. Я ж тоди побегу в хату выключать насос, шоб он не сгорел же ж... А то у нас було тут... Потом минуток через пять снова включу и прибегу, а ты ж дывысь – есть вода чи нэма. Если опять ее нэ будэ, снова кричи чи махай. Понял?

– Ты опять побежишь выключать?

– Ну а як же? Понял?

– Да куда ж понятнее... – сказал я и с жадной ожиданием будущего действия полез на душ.

Татьяна заняла позицию в метрах 15 от меня – посередине между душем и домом. Я вскарабкался, открыл бочку и обнаружил, что она совершенно пустая. И тогда подумал, что для наполнения такой бочки с такой технологией действительно нужно время. Я направил шланг в емкость и крикнул:

– Вруба-а-ай!

Татьяна побежала в хату. Там еще в хате надо отмахать метров десять, чтоб добраться до кнопки этой. Через пару минут вода потекла. Напор и правда был такой, что струей этот процесс можно было назвать с большой натяжкой.

– Ну шо, идет? – крикнула Татьяна, вернувшись на свою позицию.

– Да идет пока... – выкрикнул я.

– Ну, жди ж...

Я стал ждать, очень ответственно смотря только на конец шланга.

– Ну шо, идет еще? – спросила Таня буквально через минуту, будто сама ждала, чтоб вода скорее кончилась...

– Да, да! – бодро прокричал я.

Первые минут десять вода шла стабильно. Потом стала ощутимо иссякать. Я крикнул:

– Та-а-ань!

– Шо? Все? – всполошилась та.

– Да. Заканчивается, – проорал я.

Она понеслась в хату. Вода перестала идти. Таня выбежала снова и прокричала:

– Во як! В какой Москве ты так побачишь, да?

– И не говори, – сказал я себе под нос, кивая головой Татьяне.

– Шо?

– Да-а! – опять крикнул я.

– А у вас там горячу воду летом отключают? – прозвучало на весь огород – Татьяна стояла на своем месте и ко мне приближаться не собиралась.

Положительный ответ я сделал кивком головы.

– Ото да! И дэ ж вы тогда моетесь? – крикнула она.

– В баню ходим, – я опять напряг голосовые связки.

– А-а. Ну, давай ще трошки подождем и я включу, да?

Я кивнул.

– Мы на прошлой неделе, – начала она кричать снова, – минут сорок тот бак наливали.

– Да-а?! – зачем-то громко удивился я.

– ...Як мыться, так все моются, а як наливать, то оно мне одной надо. Тот так. Ну шо, я пошла. Будь готов! – бодро прозвенела Татьяна и скрылась в хате.

Я снова впился в шлангу. Там в ней что-то забулькотело, заклокотало, затем появилась струйка.

– Ну шо, есть вода? – обнаружила свое появление Татьяна.

– Ма-а-аленькая струя такая.

Я уже «дал петуха». Так, думаю, и голос сорвать можно...

– Оце морока нам... У вас дождей тоже нэма?

В ответ отрицательно кивнул.

– Це ж у вас сплошной асфальт. Ото жара там, да?

Положительно кивнул, не отрывая глаз от шланга.

Тут посередине своего огорода появилась соседка:

– Шо тут у вас такое? – крикнула она.

Татьяна обернулась:

– А, Дементьевна, здрасьте. Та оце ж баню наливаем.

– А-а. А я у летней кухне сыдю, та думаю – чи ты зовёшь кого?

– Та не-е...

Только они стали перекрикиваться между собой, как у меня кончилась вода. Я крикнул Татьяне. Воскликнув «Ой, боже!», она стремглав побежала в хату, оставив соседку в одиночестве.

– Так оце вы из Москвы, га? – подала зычный голос Дементьевна.

«О, Хосподи...» – подумал я и положительно закивал головой, чтоб она могла увидеть мою реакцию.

– Ну и як там, в Москве той? – проорала соседка.

Если этот глобальный вопрос задает рядом сидящий человек, то я как-то теряюсь, а уж на расстоянии метров в пятидесяти от собеседницы... Собрав силы, гаркнул:

– Та гарно!

– Шо?

– Ха-ра-шо!

– А-а. А то у моей сестры дочка...

Видимо, она взялась за длинный рассказ, но тут вернулась Татьяна, крикнув мне:

– Выключила!

И повернулась к соседке:

– Оце ж, Дементьевна, мороки хто зна скоко! Хто зна скоко!

– А-а, да-а... Я оце ж кажу, шо у моей сестры дочка тоже ж у Москве була, – возобновила та прерванное повествование. – У прошлом годе... Чи в этом уже? Та не, у прошлом.

– Кто? – громко заинтересовалась Татьяна.

– Та Светка ж. Ты ж ее должна знать. Помнишь, она помогала мне картошку копать? Ты ще казала, шо помощница у меня яка!

– Тю, не помню я...

– Ну, на базаре мы ще с тобой встретились с ней!

– А-а, – сдалась Татьяна и резко развернулась ко мне:

– Ну шо, включать чи ще подождем?

Я быстро перебрал варианты. Если Татьяна сейчас исчезнет, я опять останусь наедине с Дементьевной и ее рассказом о дочке сестры, на который надо будет как-то реагировать. Набрал воздуха и крикнул:

– Рано еще.

– Рано, да?

– Да!!!

Она повернулась к соседке и, выпростав руку в ее огород, выкрикнула:

– А шо ото вы такое посадили?

– Дэ?

– Да ото шось таке у вас растет. Я все думаю, шо оно такое? И не картошка, и не дерево...

– Та дэ? – соседка крутила головой по территории всего огорода. – А-а, ото? – ткнула рукой в нужную сторону. – Та хто зна! Шось таке из Америки. Це ж дочка сестры из Москвы и привезла. Каже, шо красиво растет. Я и воткнула. Ни цветов, ни фруктов нэма. На следующий год я и сажать не буду. На шо оно надо?

– Та ожо! – подтвердила Татьяна.

Они еще что-то кричали друг другу, но что – я уже не разобрал. Ветер относил их слова в другую сторону. Подумалось, что ни их крик сейчас сбегутся остальные соседи, и тоже будут перекрикиваться между собой. Стал осматривать другие огороды. Но больше на горизонте никто не появился.

– Ну, все, я побигла! – услышал я.

Я махнул головой. Татьяна скрылась.

– Ну и я пиду. Надо ж кур нагодувать! – громогласно доложила мне Дементьевна, но с места не двинулась.

Я ей махнул головой. Мол, разрешаю... Она дала взаимную отмашку и потопала в глубину своего огорода.

В шланге заклокотало и посочилась вода. Татьяна выбежала – вода кончилась. Татьяна снова убежала. Так повторялось уже не знаю сколько раз. В короткие перерывы «бегающая кнопка» успела прополоть свеклу, замочить белье, начать варить борщ, почистить картошку. Светлое пятно ее платья носилось среди буйной зелени огорода туда-сюда. Когда вода заканчивалась, я, изнемогая от немого хохота, из последних сил кричал уже просто «а-а-а-а».

– От, зараза! – комментировала Таня и бросая то прополку, то белье, то картошку, летела в хату.

Где-то через полчаса этой беготни Татьяна не выдержала:

– Хай йому грэць! Скоко там уже воды той?

Воды было чуть больше половины бака.

– Теперь у меня все будут за деньги купаться! Ношусь одна, як угорелая! Все, слазь!

Я спустился.

– Вот спасибо тебе! Сейчас борщ будэ, покушаем. Отдохни пока. Устал же, небось?

Это она-то мне-то!

– Да мне-то что? Вот на твоём месте я б уже давно скопытился...

– Тю! Та у меня еще знаешь, скоко работы? Ты шо-о-о... Мы ж не то, шо неженки оте московские... Приходь же сегодня купаться!

– А мне бесплатно можно?

– Мы с тобой вдвох будем брать деньги, а потом кутнем! – со смехом сказала она и пошла достирывать белье.

А я действительно почувствовал усталость. Точно – сказывалось изнеженное влияние столицы...

Тетя Мария

Это наша соседка. Мария Петровна. Возраст – за 70, а бегаёт, как учитель физкультуры. Худенькая, бойкая и говорливая из цикла «правду-матку – прямо в матку». В трудовой книжке у нее – одна запись. Всю жизнь проработала в вагонном депо мотальщицей каких-то проводов на моторы какие-то. (Если она такое дилетантство про себя прочтет, – уронит на меня мотор. Поднимет и уронит!)

Была делегатом 25 съезда КПСС. Брежнева видела... Известная, в общем-то, личность. Живет личность эта в домике на курьих ножках. Ходит, т. е. бегаёт вечно в халатике и косынке летом, и в фуфайке и косынке – зимой. Держит кур, уток и штук 5 собачонок. Когда проходишь возле ее забора, весь квартал слышит собачье оперное искусство.

Тетя Мария дружила с родителями последние лет 20. Помогала им по быту. Быт в частном секторе Красного Лимана – это хождение по магазинам, посещение рынка, доставание угля (в Донбассе!).

По вечерам она приходила к нам смотреть телевизор. (У нее своего нет. Отдала, наверное. Она все отдает. То своим детям, то соседям...) Железный теленатор у них состоял из мыльных опер, «Поля чудес» и программы «Время». Отвлекались, если на экран телевизора приземлялась муха или моль.

Мыльной чепухе они отдавались со всей страстью, с переживаниями и возмущениями.

Я обычно прислушивался к их комментариям, которые были гораздо интереснее, чем само «мыло»:

Петровна. ...Ось ты глянь, яка вона нахалка, га?

Мама. И нэ кажи.

Петровна. Он шо, не понимает шо она его обманует, чи шо?

Мама. Ага, дурко якийсь.

Петровна. Это ж Гомес?

Мама. Да нет, это Алехандро.

Петровна. Я ж и смотрю, шо не похож. А Гомес куда делся?

Мама. Та ты ж вчера серию пропустила. Он по лестнице скатился и убился.

Петровна. Ой, боже! Ото и живи в тех дворцах... М-м-м. Сюхай, Женя, а як они ота-кненные платья тогда стирали? Мне б надо куфайку постирать, да и то с ума схожу. А у них – парашюты ж, а не платья...

Мама. И не говори...

Петровна. О-о-о... Заявилась красавица. Хамка какая! Я б ее убила б! И шо он ее терпит?

Мама. Та ей же отец все свое богатство отписал.

Петровна. Когда?

Мама. Та вчера ж все!

Петровна. А-а! Так он деньги хочет? Ну ото дождется, что его тоже по лестнице скатят!

Пауза.

Петровна. О, овечка эта выползла. И чего они такую некрасивую артистку нашли?

Мама. Да чего ж? Она симпатичная... Правда, лупоглазая какая-то...

Петровна. А шо это ее сестры не видно?

Мама. Та ее вчера ж за сенокосилкой отправили.

Петровна. Оце, нашли кого отправлять! Она хоть шо-нибудь соображает в сенокосилках тех?!

Пауза.

Петровна. О, эта гнида в стакан ему шо-то капает. Отравить хочет? Вот гадина. *Кричит:* – Не пей! (*Хлопает по коленям.*)

Мама. Вот бессовестная!

Петровна. Да паразитка она. И главное ж, – никто не догадается! Шо они там такие тупые все собрались?! Не, не выпил. Хтось его позвал.

Пауза.

Петровна. А это еще кто такой?

Мама. Та это ж адвокат Хуаниты. Тоже вчера ж объявился. Такой ушлый, не приведи господь!

Петровна. Ой, их там всех у тюрьму надо!

Пауза.

Петровна. Кричит в экран: – Та куды ж ты пошел?! Тебя ж там схватят! Пошел!

Мама. Ну, все. Кончилось.

Петровна. Вот всегда на самом интересном месте прерывают, шоб их об сухую дорогу било!

...Как-то мой очередной отпуск пришелся на предвыборную кампанию – выбрали президента Украины.

Сидим, ужинаем – отец, мама, т. Мария и я. После третьей рюмки лиманцы ругали действующую власть.

– Да, а вы шо думаете? – вылавливая кильку из томата, убежденно воскликнула т. Мария. – Та все они там одним мазутом мазани. Надо выбрать другого президента. Уж он-то мафию ПРИБУРКАЕТ! – постановила т. Мария.

– Ой, Мари-и-и-я! – воскликнула мама, – ты себе представляешь, шо ото оно такое – мафию прибуркать?! – она потрясла потрясла рукой в воздухе, будто всю свою жизнь только и прибуркивала мафию...

Затем вспомнили о рекламе «МММ»: «Яки воны там уси тупи! На той Марине Сергеевне шпалы надо тягать, а вона губы мажэ!». Потом тема разговора метнулась к Сталину и коммунистам, от них – к военному лихолетью.

Прервал рассуждения телефонный звонок – брат спрашивал, как солить селедку. Матушка сходу рассказала. Минут пять говорила. Когда положила трубку, т. Мария спросила:

– Шо солить?

– Та селедку. Я ж ее солю так...

И мама в подробностях снова поведала весь процесс, только что рассказанный по телефону. Далее последовал такой диалог соседок:

– А нашо (зачем) ее солить?

– Ну как? То ж есть просто селедка, а то – соленая! Я тоже когда-то солила!

– Кохго?

– Та селедку ж!

– Так нашо ее солить, як вона и так соленая?!

– Хто?!

– Та селедка ж та!

– Ну и шо? Значит, не такая соленая. Она ж разная бывает, соленая-то. Может, она у него совсем несолена! Я колысь тоже взяла селедку, а вона совсем несолена була...

– Ну так и шо? – не сдавалась т. Мария. – Теперь обязательно надо ее солить, чи шо?!

– Селедку ту несолену? Ну а як же?!

Тетя Мария замолчала. Через секунду ухватила за новую мысль:

– А где он ее вообще узяв?

– Кохго?

– Та селедку ж ту! Да еще и несоленую... У нас же ее днем с огнем не найдешь!

И стали вспоминать о «сладком» прошлом, когда все было... Выпили в память о Брежнев.

– Ой, Женя, яка у тебя вкусна аджика! – закусывая, восхищается соседка. – У меня внучка, так та жрет аджику, як козел!

– А правнук як там твой? – интересуется матушка.

– Ой, такой домовитый, такой хозяйственный! 4 года, а все бьет, колотит. Молоток нельзя оставить...

Улыбаясь, я наливаю себе себе очередную чашку кофе, закуриваю сигарету.

– Ось дывы на него! – восклицает т. Мария. – Ты ж только шо кофэ выдув! И смалить одну за другой... Ты ж так сердце соби загоньшь!

– Та, то бесполезно, – машет рукой мама, – я вже ему казала-казала, а он – все одно пьет та курит. Я вже смеюсь – кажу, шо у нас наркоман местный!

Т. Мария осуждающе смотрит на меня, а потом назидательно произносит:

– Ото у нас на работе тоже був один интеллигент – всэ кофэ хлестав...

Тетя Мария многозначительно замолчала, устремив в меня прищуренный взгляд.

– Ну и шо ты думаешь?! – якобы спросила она меня.

– И шо? – заинтересовалась мама, не выдержав остановки сюжета.

– Под поезд попав! – хлопнула ладошкой об стол т. Мария. – Ось тебе и кофэ твое!!!

Тетя Галя

Это двоюродная сестра матушки. Живет в Донецке, в своем доме. Изредка мы с мамой ездили к ней в гости. Чаще сестры переписывались.

Жизнь тети Гали была большой плитой, на которой все время кипел чан суеты. Она говорила: «У меня есть муж, дочь и зять. Каждый сам по себе. А я – жена, мать и теща в одном лице. Им всем от меня одной что-то надо. Ни черта не успеваю...».

Отдушиной ее беспросветной маяты служили цветы, куры, кошка и собака, которые были всегда. Когда появился внук, он пополнил этот светлый список.

Одно дело – нудно жаловаться, что все плохо, и совсем другое – легко констатировать происходящее. Мол, вот так живем, по-другому не можем. Именно так относилась к своей судьбе и т. Галя.

Письма писала она без абзацев. Поток мыслей невероятной амплитуды шел сплошным текстом. Жалею, что не сохранял ее эпистоляриев. Остались только фрагменты, по какому-то наитию переписанные мной:

«Виктора видела. Пьяненький. Конвертов у меня много и наштампованных. А теперь надо еще марки клеить. Ты приезжай. Теперь ничего везти не надо, с пустыми руками в электричку – и все. Куры у нас старые, несутся плохо. А отсюда мы тебя посадим...»

«О ценах вообще говорить не хочется. От этих цен ум убывает...»

«Приезжали Мира и Вася. Мира потолстела, у Васи болят ноги. Собака у нас. Большая сука. Пока я смотрю телевизор (ты ж знаешь, как я его смотрю – сплю под ним), она лезет в мою постель. Тюленская, врач по нашей улице, взялась докармливать старуху. Та ей дом отписала. Да быстренько и докормила – сегодня умерла, завтра похоронили... Ты ж знаешь, какие у нас высокие потолки. Полезла я белить их на кухне. На стол поставила табуретку, на нее – маленький стульчик. И то еле доставала. И чего-то дернуло меня потянуться к какому-то пятну... Мухи, сволочи. У вас много мух? У нас много. И сверзлась я с той пирамиды. Ой, Женя, я летела так долго... Лечу и думаю – скорее бы упасть...»

«Отмечали нашу золотую свадьбу. Как там твой Гриша? Зять купил водки. Я деду сказала – возьми хлеба, селедку и арбуз. Он в ответ – на х... это надо? У нас этого слова никто, никогда не произносил!!! А я и не знала, что ОН существует!!! Кричали „горько“. Но дед целоваться не пожелал. Так я взяла его за уши и чмокнула, шоб он всрався. Зять тоже водку уважает. А с дедом ссорится. Чуть ли не до драки. А я как пожарник между ними...»

Один существенный факт: она была почти глухая. В детстве ее лечили от какой-то жуткой болезни и давали пить хинин, кажется... Выжила. Но лекарство дало страшное осложнение – глухоту. На всю жизнь. Поэтому никогда не работала. Только торговала цветами. С растениями у нее был самый настоящий роман. Любовь была взаимной – розы, гладиолусы и другая красота у т. Гали вырывались из стандартов роскошества и всегда быстро раскупались. Продавала их она в центре города, куда добиралась на трамвае.

Одно время у т. Гали была сиамская кошка, которая утром провожала свою кормилицу на остановку (метров 500 пути), а вечером, поражая своей загадочной чувствительностью, топала встречать именно в то время, когда хозяйка возвращалась...

Домашнее хозяйство т. Галя ведет, как письма пишет – все дела окучивает одновременно. Перемыв половину посуды, пойдет кормить живность, потом начинает копаться на грядках. Затем примется готовить еду, отчего грязной посуды только добавляется. Словом, «колотилась» с утра до ночи. Посуду домывала, зачастую, за полночь. Но при этом хронический бардак каким-то чудом выглядел ...гармонией. За один борщ т. Гале можно было простить все, что угодно.

...Из-за ее глухоты все домашние вынуждены переходить на повышенные тона. Когда я впервые приехал с мамой туда в гости, то подумал, что они все время ругаются... И только матушка говорила с ней обычным голосом, и сестра все прекрасно слышала!

– Ма-ам, как это вам удается? – поражался я.

Та глухие ж читают по губам. Надо только четко выговаривать, та и все! – легко пояснила она.

Мои попытки последовать этому ни к чему не привели. Да что там я – дядя Гриша, муж т. Гали, за долгую совместную жизнь научился артикулировать, как ведущий логопед. Однако громкость все равно включал...

Я же думаю, что причина в душевной близости сестер, на которую отзывались мембраны слышимости т. Гали, недоступные никаким другим собеседникам...

Говорит мама

Меня, студента, она частенько предупреждала:

– Ты ж там сильно по ресторанам-то не ходи. А то потом будешь голодать, дистрофиком станешь – все болезни начнут приставать...

Пужинали. Батя берет конфету к чаю, пытается ее раскусить, но не получается.

Матушка: «Та брось в чай, там растает, або другую возьми, шо ты мучаешься?!»

Что-то дожевывая, я невнятно произношу:

– Шлоны, кода шточат жубы, уирают.

Отец, соображая, что я сказал, спрашивает сразу маму, будто я – безответное радио:

– Что он сказал?

Махнув рукой, она переводит:

– Та вин каже, шо слоны, когда сточат зубы, играют...

Я поперхнулся от зарождающегося хохота:

– Да не играют, а умирают!

Смеемся вместе с мамой. Она сквозь смех:

– Та я ж и думаю – в чего ж они могут играть? Без зубов-то?!..

Получили телепрограмму на будущую неделю. Мама взялась отмечать интересные передачи. Все мыльные оперы подчеркнула, что-то еще. Потом прочитала что-то такое, что воскликнула:

– О-го!

– Что там такое? – удивился я.

– Ото да, стара яка!

– Кто?!

– Та ось тут написали: «Жан Марэ. Мне 80 с половиной лет». Ото стара яка!

– Так это французская кинозвезда.

– Та я знаю, шо звезда, – с видом киноведа отмахнулась матушка. – Так стара яка!!!

– И это мужчина...

– М-да? Ой, ну старый якый...

Увидела в телепрограмме какой-то фильм Кончаловского.

– А хто це? – спрашивает.

Я объяснил, что это брат Никиты и сын Сергея Михалковых, что тоже кинорежиссер, только снимает фильмы в Америке. Что очень похож на Никиту, а по голосу они все как-то одинаковы... Она махнула рукой:

– А-а... Та знаю я прекрасно того Михалкова...

В эпоху суверенизации Украины, когда стали отключать свет, по радио услышали рекламу каких-то новых люстр, кажется: «Багато пройдено шляхив людством для того, щоб було світло!» (Много пройдено дорог человечеством для того, чтоб был свет!)

– Ага. Зато тепер хоть в темноте сиди! – тут же отреагировала матушка...

Когда Украина обзавелась своим «незалежным» телевидением, матушка поясняла новую структуру программы «Время»:

– Сначала говорят, шо у нас ото творится, потом – шо у вас, но без физкультуры. Бо она тоже только наша...

– Як ты часто пьешь кофэ свое! – сокрушалась матушка.

– Ма-а-а-ма, – огорчался я, – надо говорить не «кофэ», а «кофе». И не оно, а он. Кофе мужского рода!

– Да? Ну ладно. Так все равно ж ты пьешь его много!

Дня два я поправлял мамино «кофэ». Утром третьего дня после завтрака:

– Ну а теперь будем пить хто шо хочет. Миша, наверное, свое кофэ, да?

– Ма-а-а-а-ма!

– КофЕ-кофЕ-кофЕ-кофЕ! – улыбаясь, скороговоркой исправилась матушка.

В каждый мой приезд матушка стояла у плиты, как сталевар – варила, жарила, парила всякие вкусности. Потом обставляла стол тарелками, кастрюльками, сковородками.

Зачастую по вечерам я ходил в гости к Татьяне. У нее тоже – борщ, котлеты, рыба и т. п. Как-то, накрывая на стол, мама произнесла:

– Оце ты сейчас покушаешь борщечку, потом – гречневу кашку – ой вкусная ж! – с отбивными, потом погуляешь – я сырники пожарю. Со сметанкой чи с чем ты захочешь. А после тебе надо будет БЫСТРО проголодаться – к Татьяне ж пойдешь...

– Галя письмо прислала. Обижается, шо дочка на нее голос повышает... Та сейчас такая жизнь настала, шо сам на себя будешь голос повышать...

В программе «Время» показывали Павла Грачева, бывшего тогда еще министром обороны. Он «лепил горбатого» по поводу применения какой-то бомбы (чуть ли не атомной) в Чечне.

– От дурко! – всплеснула руками мама, – он хоть соображает, шо говорит?! Та бомба як хгахнет – будет знать!!!

Мама все время думала, что она толстая. Хотя на самом деле ее можно было с большой натяжкой назвать «полненькой». Если видела действительно толстую тетку, то говорила: «Оце да. Ну, я ж-то не такая, правда?» Ходила мама «уточкой», в перевалочку, потому что ноги болели. Отправляясь за покупками, брала «кравчучку» – сумку на колесиках. Рано утром уходила на рынок. Возвращалась, когда я уже просыпался... Однажды приходит и говорит:

– БЕГУ я на базар. Дывлюсь – две старухи тоже БЕГУТ...

В одно лето в гости приехали я, брат с женой и дочкой. Матушка купила две буханки хлеба. И прокомментировала:

Народу у нас теперь багато. Поэтому я буду ВСЁ по две буханки брать!

Привез ей какую-то книгу почитать. Кажется, Викторию Токареву.

– Ну, оставь, гляну – шо там.

– Ой, вам понравится. А потом можете Татьяне дать почитать.

Мама полистала книжку, потом выдала:

– Та хто, чи захочет она? Ей нравится читать такое – ШОБ В ТАЙГЕ ТАМ ШО-НИБУДЬ!!!

Поздно вечером по телевизору шла передача со Жванецким. Известный сатирик, сидя на даче, размышлял о жизни. Т. е. на экране был антиЖванецкий. Обычно такие «разговорные» вещи матушка недосматривала – засыпала. А тут была – вся внимание. Досмотрела Михал Михалыча, размышляющего на фоне цикад, и задумчиво сказала:

Ты ба-а-а... А я и не знала, что он такой печальный...

После очередного выпуска последних теленовостей:

– Ну, шо творится, това-а-арищи! Шо творится...

Потом задумалась на секунду и сказала:

– Та може, шо наладится, чи так и сдохнем при недохватке?!

Просевая муку, советовала:

– Я прочитала, что муку очень полезно просеивать. Тогда воздух соединяется с... Ну, тот воздух, шо вокруг нас, соединяется с тем, шо в муке... Ну или шо-то такое... Словом, очень полезно!

Привез фотографию моей подруги. Фотография черно-белая. Подруга – брюнетка.

– О, красивая девочка.

Пауза.

– Красивая. А она русская?

– Гречанка! – хохмацки отмел я все подозрения.

– О-о... Кто?! – почему-то на полуиспуге спохватилась мама.

– Гречанка! – не сдавался я.

– Ой, мне ж гречку перебрать надо! – и быстро пошлепала за гречкой, продолжая говорить, что да, девочка красивая...

– Ходила тут я в собес. Чи куда? Ну, там, где пенсию начисляют. Собес же? Пришла и кажу, шо я всю жизнь проработала, а одна знакомая и дня не работала – все домохозяйкой была. И шо? Я получаю такую ж пенсию, как и она. Як це так можэ быть? А они мне и начали шось объяснять. Долго говорили, якись проценты там... Я ничего и не поняла. Так и ушла. И даже спорить с ними не стала. А то одна с ними спорила-спорила, та умерла...

Гладит белье и говорит:

– Ото я дэсь прочитала, шо когда человек гладит утюгом, то у него калории расходуются, як у шахтера. Ты чуешь, Грыша? – кричит в спальню к отцу. – Я сейчас шахтером работаю!

Увидев трехэтажный частный дом, недавно построенный:

– Ото да! Това-а-арищи! Я издалека думала, что то кинотеатр новый. А оказалось, шо це дом такой выгатили! И нашо такой большой? Там же одних полов – мыть – не перемыть...

Заготовки угля и картошки – две осенние головные боли, которые постоянно мучили матушку. В итоге всегда все складывалось удачно – доставали и то, и другое.

Однажды привезли какую-то картошку. Может быть, не совсем ту, какую она хотела. Но чтобы как-то оправдать свершившийся факт, самоуспокаивалась:

– Ставчанскую картошку привезли... Вроде б то хорошая. В прошлом году соседка Валя посадила, и уродила картошка с ладошку. А ота, як ее – финская, чи шо, – говорят, якась невкусная. Желтая какая-то. Наверное, кормовая. Чи не финская?

– Голландская, – поправляет папа.

– А, да, голландская. Ну ото ж. Поганая она. Та хто зна... А шо делать? Это ж 450 тысяч одно ведро! Това-а-арищи! Когда ж такое было? Но ставчанская – все говорят – хорошая картошка. Валя ж садила. А накопила такую большую. Больше ладошки! Та теперь я спокойная – картошка есть. Три мешка аж. Хорошо, шо не ота – венгерская, чи яка она там? Шо там могут сажать в Венгрии той? Невкусная, кажут. Один дядька взял ведро за 500 тыщ, и сварил. Съел и сказал – невкусная! А ставчанская – загляденье! От и Валентина ж посадила и не знала – будет чине? А она как пошла! От такие поросята! Та то и хорошо, шо не ота, не импортная... Теперь нам на зиму хватит. До весны надо съесть. А то в прошлый год столько набрали картошки, что уже весна – а она у нас есть и есть. Все уже молодую картошку кушают, а мы все старую кушаем...

Матушка больше 30-ти лет проработала регистратором в стоматологической поликлинике. Напарница у нее была – не подарок. Мама на нее жаловалась: «Ой, сколько слез я от той Марковны пролила – в уме не сосчитать. Ушла якость она в отпуск. С собой забрала будильник. А возвращается и – „где будильник?“ Та ты ж домой забрала, – кажу. Не поверила! Това-а-арищи! Хоть кол на голове теши! Ну, шо я тот будильник – съем, чи шо? У меня ж свой есть, только там батарейки надо поменять. А тут недавно шо утворила? Положила карту одного пациента не на ту букву. А пациент тот – ветеран войны, ходит челюсть вставляет себе. Он как бучу утворил! Все перерыли – нэма! Марковна в слезы и на меня – шо то я куда-то задела карту ту! Това-а-арищи! А я как-то случайно глянула на другую букву – а карта та боком торчит!.. И главное ж, ходит – и не здоровається! Но ото если в следующий раз вона сама не поздоровається, то я тоже не поздороваюсь. От же ж хамка какая, а?!»

Это самый тяжеловесный приговор. Я ни разу не слышал от нее ни одного грубого (уж не говоря о матерном) слова. Предел ее возмущения звучал так: «Ну, хибя ж так можно делать?!» – ну разве так можно? Вроде бы, нельзя ж...

Не знаю, с кем можно сравнить маму по доброте душевной. Не знаю. Таких больше не встречал...

Проводы лета в красном лимане

...Недобитое несчастье на колесах стояло у ворот, в которые мы вошли невинными походками сизеющим вечером 31 августа. Мы – это Ирина, крохотное субтильное существо килограмм 30 с босоножками; Игорь – высокий стройный денди с греческим носом и я. На фоне этих двух я смотрелся умеренным как в весе, так и в росте. Компенсировал как бы их разницу...

Как истинные интеллигенты, мы несли с собой бутылку младенческого вина из каких-то Дубоссар.

Пришли мы к Вите и Косте. Они – муж и жена. Костя – муж, а жена – Вита. Виктория (уточнение в свете современных тенденций.) Они – частные предприниматели. Чтобы таковым не стать, достаточно посмотреть на их жизнь – ни выспаться, ни отдохнуть...

Вита – сударыня спокойная, как пыль, зато Костя – ходячий Везувий в хроническом извержении.

Когда мы к ним шли, то надеялись, что Костя будет уставшим. Мы это желали не ему, а себе. Но наша зыбкая надежда себя не оправдала – первым нас встретил Константин. Он шумно обрадовался и весь огромный дом, огород и все сараи стали в миг крохотными и жалкими.

Нас расположили в беседке, оплетенной диким виноградом. Там были пиво, шампанское, вяленая рыба, борщ, мы и дядя Виталий, отец Виты. Сидели столько, что Луна стала зевать. Потом – дядя Виталий. За ним – Вита. Под надуманным предлогом, что они хотят спать, они ушли спать. Мы проводили уходящих завистливым взглядом и отделились власти неугомного Кости.

В половине первого ночи Игорь по телефону оповестил свою матушку, что он жив-здоров, что жив-здоров он где-то в районе базара и что скоро будет дома...

Где-то через час Костя решил, что надо ехать к Акимову, тоже постоянному члену нашей зондер-команды, которого в тот вечер почему-то с нами не было. Живет он в районе Хабаровска по местным меркам. Пешком туда не дойти. Лучше – на оленях. Мы прошествовали к автомобилю.

Костя со скрипом открыл непонятно на чем держащуюся дверь «Москвича» и торжествующе пригласил нас усаживаться. В машине все время что-то дребезжало и подвывало. Вероятно, ей давно было противопоказано какое-либо передвижение.

– А я всем говорю, что машина – тот же велосипед! – успокоил Костя, поглаживая оплавившуюся пластмассу спидометра.

После такой фразы место шофера мог занять и я, потому что «веломашина» – единственное транспортное средство, которым я владею. Но Игорь опередил меня и поменялся с Костей местами почти что на ходу...

С гиканьем, скрежетом и риском для всех во главе с «Москвичом» мы дотелепали к дому Акимова.

Было простое раннее утро. Или поздняя ночь – часов около трех. Визгом осла сработали тормоза. Костя выпрыгнул из машины и стал тарабанить в железный забор. Забор гудел и вздрагивал на всю Вселенную. Но окна дома хранили темноту. Тогда большой Костя с легкостью блохи перемахнул большой забор, подмигнул нам и скрылся.

Сияла луна, подмигивали звезды. Мы сидели в авто и боялись пошевелиться, – вдруг рессоры лопнут? Через минуту возник одинокий силуэт Кости. Он материализовался сквозь железные ворота с выражением, похожим на весь забор, мрачно водрузился в лимузин, грузно выдохнул и скомандовал:

– На фиг!

Игорь завел машину, и мы поехали. Видимо туда, куда было сказано... Просто ехали куда-то вперед и все. Что сказал Косте Акимов, Костя не сообщил. Может, он был встречен дробовиком, может, послан (чего спросонья не сделаешь?) – неизвестно.

Мы молча доволоклись «на базу». Игорь интуитивно остановил «бьюик» в миллиметре от забора.

– Сейчас берем «это», – Костя дал шелбан по горлу, – и едем купаться! – объявил он с выражением, не терпящим возражений, и вместе с Ирой пошел за «этим».

Пока они ходили, мы с Игорем зачем-то стали закрывать машину. Но это легко сказано. С первого раза ни одна дверца не захлопывалась. Наши попытки по звуку напоминали выстрелы в ночи.

Со стороны водителя стекло вообще не поднималось. Оно не вынималось даже. Игорь сомкнул пальцы на краешке стекла и потянул его вверх. И – о, чудо! – оно повиновалось. После чего Игорь совершил непростительное – он разжал пальцы. Стекло тут же съехало вниз. Минут 5 мы занимались тем, что Игорь поднимал стекло, держал его пальцами и спрашивал меня:

– Так стоит?

– Так – стоит, – подтверждал я.

Потом Игорь разжимал пальцы, стекло сползало вниз и он удивлялся:

– А так упало...

– А так – упало, – говорил я.

Довести до ума (застопорить как-то, закрепить) стекло нам так и не удалось, – притопали Ира с Костей. Он взмахнул «поехали» и машина почихала по ночному городу.

Во время езды Игорь, крутя не крутящийся руль, сообщал Косте, что в машине все не так: задняя скорость переключается вперед, передние – назад, что в карбюраторе если не слоны, то мыши завелись наверняка, и вообще – в «Москвиче» все не с той стороны. Весьма возможно, что бензин заливается в выхлопную трубу, поэтому из-под капота что-то дымит...

– А всем говорю, – изрек Костя, – что машина – это тот же велосипед...

Общение двух асов было сбрызнуто периодическими восклицаниями Иры: «Ой, меня ж дома убьют!»

Мы с Игорем ее вяло успокаивали, хотя уже сами понимали, что нас дома ждет что-то приблизительное...

Наконец, Игорь остановил «велосипед» где-то в глухих лугах в миллиметре от обрыва. Рядом плескалась вода неизвестного озера размером с бассейн в бане. С криком «Снимай трусы!», Костя оголил торс и наполнил своим присутствием пустынный ландшафт. Ира курочкой уселась на теплый капот. Мы встали рядышком, расставляя стаканы и облагораживая капот нехитрой закуской...

Шел пятый час наступившей осени. Мы пели, чтоб не замерзнуть. Пели так, что собаки в ближних хатах гавкали от зависти. В результате Луна скрылась в облаках раньше срока минут на сорок. Петухи хотели нас перекукарекать, но это у них плохо получалось.

Когда раздалось слабое «ку-ка-ре-ку», Ира встрепенулась и закудаhtала:

– Шо это? Уже петухи? Ой, меня ж дома убьют!

Мгновенно поднесенный ей стакан с шампанским отогнал эту мрачную мысль.

Рассвет наступал неукротимо. И таки наступил. Тут Костя опомнился:

– Погнали встречать рассвет!

Это было еще одно подтверждение того, что для Кости любые факты действительности не имеют никакого авторитета. Мы же ему не оказывали никакого сопротивления и в разгар рассвета поехали его встречать.

...Пустынное шоссе, окруженное какой-то природой, вело прямо к горизонту. Вовсю буйствовало раннее утро. Навстречу нам по обочине шла какая-то фигура. И приблизительно

с такой же скоростью, с какой ехали мы. Запахло встречей. Фигура оказалась теткой средних лет и размеров в фуфайке. Костя ткнул Игоря поддых:

– Зови ее встречать с нами рассвет!

Тот покорно притормозил тарантас в миллиметре от бедра пешеходки и изложил ей идею Кости. Та широко заулыбалась и неожиданно затарахтела, взмахивая руками:

– Ой, та спасибочки ж! Я б с удовольствием, та не могу – иду ехать (!) до сестры у Краматоровку. У ее свекрухи день рождения, так мы закололи кабана. Ото ж я и еду сказать, шоб если шо, то к нам шоб... Ой, ребятки, та я с радостью, та время ж нэма...

Она так смотрела на Игоря, будто знала его всю жизнь. Она продолжала еще что-то говорить и махать руками в тумане выхлопных газов от нашей машины. Я полюбопытствовал:

– Игорь, это твоя знакомая, что ли?

– Впервые ее вижу!

...Около шести утра наш «бьюик» остановился в миллиметре от какой-то воды. Это было целое хранилище H₂O. Мы выползли и своим видом распугали всех чаек. Мы (за исключением Кости) уже не понимали – хорошо нам или плохо, холодно или жарко, сон это или явь?!

Я все видел в тумане. Сквозь дымку я заметил, что Ира стала еще меньше, а Игорь – еще выше. Только Константин был константой – постоянно бодрым, веселым и бурным. Неизвестно откуда он выудил бутылку шампанского. При этом непрерывно подбадривал нас, падающих друг на друга возле воды.

Взрывом бутылки обдало окружающую природу, и с деревьев посыпались листья. «Осень!» – осенило нас.

– А где стакан? – пришла в сознание Ира.

– Стакана нет, – просипели мы.

– Ой, меня ж дома убьют! – опять произнесла она. Будто ее должны были убить дома за то, что здесь у нас не было стакана.

Нас обдували летающие чайки. Вдалеке виднелась фигура тетки, идущей-едушей к сестре в Краматоровку. Все воспринималось нами автоматически. Появись какой-нибудь инопланетянин, мы б у него спросили: «Есть стакан?»

Поиски емкости для питья в багажнике и капоте (!) выявили еще массу поломок нашей железяки на колесах, но стакана не выявили. Шампанское глотали из горла.

Ира хлопнула в себя пару капель. Встрепенулась. Огляделась вокруг. Увидела пустую машину... Неизвестным порывом ветра ее занесло в машину на место водителя.

– Дайте мне ключи! – возликовала авантюристка.

Ей дали.

– Куда тут их засовывать? Где тут что вообще? Я щас поеду. Где тут чего нажимать? – раздавались выкрики Иры.

Костя, стоящий с нами в 10 метрах от машины, кричал ей в ответ – где, чего и куда. Ира чудом завела «Москвич» и со страшной силой стала что-то нажимать и тыркать, результате чего пейзаж утреннего побережья добавился эротическими движениями одинокого авто. Он будто выбирал, что ему приятнее – дерганья вперед или дерганья назад. Мужики неподвижно наблюдали за этим ужасом. Неожиданно машина выбрала заднее направление и стала угрожающе подползать к глади водохранилища. Я пытался матом кричать Ире, чтоб она тормозила, но это получалось плохо: сказать матом «езжай» можно, а «тормози» – нельзя.

Колымага катилась легко и непринужденно к воде. Мужики равнодушно наблюдали, а Ирка хохотала, гикала и еще что-то делала горлом. Я понял, что в ее маленькое тельце вселился огромный бес.

– А где тут тормоз? – с экстазом проверещала каскадерка.

Только тогда Костя спокойно подошел к автомобилю, спокойно сел рядом с новоявленной «профи» и всей своей мощью надавил на тормоз. Машина нехотя остановилась в миллиметре от волн.

Выезжать из сложившейся позиции надо было через крутой подъем (ах, как мы лихо съехали туда!). Мы все запихнулись в машину. Но Ирину оторвать от руля можно было только вместе с рулем. Она осталась на месте водителя. Костя жал педали, Игорь переключал скорости, я просто держал дверь. Зачем-то...

– Все-все-все! – отпихивая чужие руки и ноги от деталей машины, вопила Ира. – Я все буду делать сама!!!

Мужики послушались. «Ягнята какие-то!» – озверело подумал я о них. Как ни странно, но машина выволокла на асфальт! Застопорилась вся наперекосяк. От такого достижения Ира широко захохотала, смотря то куда-то вверх, то вбок, но только не на дорогу. Затем она со страстью вывернула руль и нас поехало куда-то вперед.

– Впереди трактор, – спокойно проговорил Костя.

Все посмотрели на тархтящий перед нами механизм. В то самое время тракторист видел перед собой мост, возвышающий автомобильное полотно над железной дорогой.

Ира взяла курс на трактор, даванув гашетку скорости до отказа.

У меня уже был такой вид, что это уже не я. Ира – уже не Ира, а я чем хуже? Поблагодарив Творца за прожитую жизнь, я уставился в пейзаж за окном.

Трактор неумолимо приближался. Как и переезд. Если бы тракторист знал, кто сидит за рулем петляющей сзади тархтелки, то он бы с матом спрыгнул с трактора и с переезда, которые Ира вознамерилась взять на абордаж. Она вяло реагировала на толчки и крики Игоря и Кости, у нее был, вероятно, какой-то свой план.

По всей вероятности, жить всем нам оставалось недолго. Так, наверное, подумал и сам переезд, когда на подъеме нашу машину развернуло на 90 градусов. Разворачивало нас таким макаром каждые метров 10. Будто бы это был не переезд, а лед для фигурного катания. Каждый раз «москвич» зависал в миллиметре от хлипкого ограждения, за которым была вечность с контактным проводом.

От трактора мы, слава уж не знаю кому, безнадежно отстали. Когда перед лобовым стеклом снова легла ровная лента трассы, Ира взвизгнула, что-то там передернула, и наше средство передвижения понеслось вперед.

– Сейчас сбавляй бешенство, – спокойно посоветовал Костя. – Через пару секунд будет перекресток.

И действительно – метров через 100 наш прямой путь раздваивался. У Иры глаза, видимо, разбежались соответственно перекрестку. Она что-то не то нажала ногами, не так переключила руками... Точнее, не туда. Машина сначала резко застопорилась, потом развернулась (уже сама по себе!) и посередине развилки вспомнила о своем любимом заднем ходе и стала ползти туда, где был кювет градусов под 45, переходящий в огромное поле.

Педадь тормоза жали почти все, но авто благополучно дотащилося к кювету, булькнуло туда задними колесами и застряло серединой днища на ребре трассы и обочины. Мы кубарем выкатились из салона один за другим. Со стороны машина напоминала детские качели.

Мы втроем озабоченно ходили вокруг скрипящего «велосипеда». Ира же в каком-то бесноватом танце кружилась по поляне и дико хохотала над результатом своего вождения. Видимо, ей было хорошо, как никогда. Вот тогда ее убить хотел я.

Мы пытались вытолкнуть машину сзади, но она отказывалась слушаться. Потом ее столкнули в кювет, после чего Костя, усевшись за руль, разогнался по поляне и пытался под углом в 45 градусов вылететь на дорогу. Уж не помню, с какой попытки этот трюк увенчался успехом...

...В половине шестого утра 1 сентября 1996 г. Костя приступил к развозу наших тел по домам. Первым подвез Игоря. Потом маршрут возлегал к моему дому. По пути мы придумывали причины, которые могли бы хоть как-то объяснить наше ночное отсутствие... Прощаясь, мы благословляли друг друга, как будто по одному падали в пропасть...

В окошке маминой спальни меня приветствовал... кулак. Шоу продолжалось...

Меня матушка встретила холодным взглядом и фразой:

– Ах, ты ж хам такой!

Я сразу почувствовал себя школьником. Мне стало все понятно и безумно стыдно. Говорить маме о том, что не стоило переживать, было совершенно бесполезно. Она уже опереживала свое.

Каждому члену нашей компашки уже тогда было за 30 лет. У каждого – по семье (у некоторых даже две). Практически у всех есть дети (у некоторых даже двое). Чувство, что ты сам чей-то ребенок, ушло безвозвратно. Какая жена или какой муж кричит: «Пора домой!»? Никакая. Никакой.

Как-то так совпало, что все три мамы – моя, Игоря и Ирины – отличались обостренным переживанием за своих чад. Мы знали это, но не думали, что до такой степени... Короче – они, как и мы, первую осеннюю ночь провели без сна.

События развивались следующим образом.

Около часу ночи, не дождавшись ни меня, ни моего звонка, моя матушка позвонила маме Игоря. Начала с безумных извинений, что так поздно тревожит... Майя Сергеевна схватилась за этот звонок, как утопающий за соломинку. Она даже поблагодарила, что хоть кто-то в этом мире вспомнил о ней.

– Простите, а Игорь дома? – робко спросила моя мама.

– Да в том-то и дело, что его нет! А Миша? – взбодрилась Майя Сергеевна.

– Его тоже нет, – ответила моя Евгения Федоровна. – Я думала, что Миша у вас...

– Значит, она оба где-то... – логически заметила Майя Сергеевна. – Мне Игорь звонил в половине двенадцатого ночи и сказал, что он где-то под базаром. Вы не знаете, что там такое?

– Где? – не поняла моя матушка.

– Под базаром.

– А-а, та там же Ира живет, – колеблясь, догадалась моя Евгения Федоровна. – Я сейчас позвоню ее маме, а потом перезвоню вам.

– Ой, сделайте одолжение! А то у меня уже голова раскалывается, не знаю, что и думать...

Далее в их диалоге мы были снабжены разными прилагательными, образованными от существительного «совесть» с приставкой «без»...

Затем моя мама позвонила маме Иры и телефонная связь наполнилась слезами. Тетя Валя не знала вообще, что думать, куда бежать, где искать. Было сказано все, что старшее поколение думает о младшем. Что ладно мы, парни, но ведь Ира-то – девушка. Как ей не стыдно пропадать ночами? Тем более, что замужняя – и усвистела с мужиками... Вот так доченька... Вот так сынки...

– Женя, а может, они у Виты? – предположила т. Валя.

– Та кто зна... Может, и у нее. Так они б тогда уже позвонили б, шо они там... – терялась в догадках моя матушка.

– Женечка, позвони туда. А то у меня телефон барахлит – только звонки принимает... Вот их номер телефона...

Такой ночной занятости телефонная связь Красного Лимана еще не знала...

После Ириной мамы моя мама позвонила маме Виты. Точнее, в дом, где жили Вита, Костя, их дочь и родители Виты... В два часа ночи все почему-то спали. Зуммеры капали долго и упорно, как вода из сломанного крана. Наконец трубку сняли, и раздался голос неопределенного звучания. Матушка спросила – кто это. На том конце пробормотали, что это Вита.

– Виточка, вы дома? – удивилась мама.

Вита не поняла, о чем ее спрашивают:

– Ну да, – подавив зевок, сказала она.

– И вы никуда не уходили?

Моя матушка была на взводе, как автомат Калашникова и вопросы готова была задавать со скоростью выстрелов. А Вита только что оторвалась от подушки и не могла взять в толк – ей снится, что она разговаривает по телефону, или не снится?

– А Миши с Игорем у вас нет? – полетел вдогонку еще один вопрос.

Вита прищурясь обвела комнату взглядом. Нас там определенно не было.

– Э-а...

– А Костя дома? – опять раздалось в трубке.

Вита устала вертеть головой. Ее взгляд упал на кровать, где мирно спала чья-то мужская голова.

– А-а, – вместе с зевком брякнула Вита. – Вот он, спит.

Матушка как могла, поблагодарила за ценную информацию. Затем она позвонила маме Иры. Потом – маме Игоря. Дальше они перезванивались уже без всякой последовательности.

Словом, не спали и мы, и наши мамы. Правда, с безумно противоположными душевными переживаниями...

– Я тут не сплю, волнуясь, места соби не нахожу, звоню куда попало – и в милицию, и в скорую помощь, – выговаривала мне утром матушка, – и бужу Гришу. Говорю, мол, так и так. А он сказал, – не волнуйся, все нормально. Куда ж он мог деться? И тут же снова уснул! Я тут одна ночью, як сова сидела! Ну, хйба ж так можно?!

В очередной раз мамино воспаленное волнение совершенно не коснулось отцовского спокойствия... Я пытался оправдаться перед матушкой. Призвав всю свою способность ко лжи, обронил, что мы с Костей поехали в лес, и там машина сломалась. Поэтому, мол, и проторчали всю ночь под капотом...

– Та шо ты кажешь?! Костя был дома! Это мне сказала Вита! А за рулем был Игорь же наверное... Бо ни ты, ни Ира не шоферы! Как вы вообще еще не убились? От хамы ж такие, хгя!

Потом Вита нам поведала, что спросонья приняла голову спящего отца за голову отсутствующего супруга...

У Игоря было хуже. Я хоть слушал словесные негодования, он же созерцал безмолвную тень Майи Сергеевны. Молчание, как известно, всегда хуже слов или пощечин...

Ира вообще была встречена с замком и заверениями, что отныне и до окончания отпуска она будет сидеть под домашним арестом...

Три дня мы ходили, как отличники, получившие двойку в четверти по поведению. Уходя на вечерние посиделки, сообщали адрес и номер телефона. Словом, все возможные координаты, по которым можно было в любую секунду удостовериться о нашем здравствовании... Таким образом, мы заслужили прощение...

Но с Ирой лично я больше ни-ког-да не сяду в машину.

И Акимов – изменник. Вообще-то, его Серегой зовут, но за то, что он не поехал с нами встречать осень, он – Акимов!

Тиха украинская ночь

Особенно летом. С белыми звездами в обнимку посидишь до двух ночи, а потом несешь в хату попытку уснуть.

А в хате матушка с батей. Тоже не спят. Не спят они в разных комнатах, разделенных кухней. Я втекаю в свою, третью, и ложусь. И лежу, вперив зеньки в окно. И тут начинается потеха.

Батя включает ночник. Из комнаты матушки раздается завывание кроватных пружин. Щелкает кнопка настольной лампы. Затем пружины взвизгивают так, что становится ясно, – мама приняла сидячее положение. Секунда тишины сменяется последним аккордом, возвещающим о вертикальном взлете пружин и мамы.

Ненадолго воцаряется тишина. Потом медленно-медленно начинается шарканье. С каждой секундой оно ускоряется – мамуля шествует к папуле. По пути она заглядывает ко мне. Останавливается, зеваает, чешет живот, щурится, пытаюсь разглядеть, наличествует ли мое тело в койке или нет. Медленно поворачивается и чапает в спальню к отцу:

– Ну, шо, чога не спишь?

– Да нога что-то болит...

– Я тебе мазь принесу.

С этими словами мама разворачивается и начинает идти к себе. На половине пути ее останавливает тихий голос отца:

– Принеси лучше таблетку.

Мама останавливается в кухне и громко переспрашивает:

– Шо ты кажешь?

Отец также тихо повторяет:

– Таблетку принеси лучше.

Опять ничего не расслышав, матушка – чоп-чоп – возвращается к отцу:

– Шо тебе нести?

– Таблетку.

– Яку тебе таблетку?

– Ту, что вчера давала...

– От ног?

– Что – «от ног»?

– Таблетку. От ног чи от сна?

– Та от ног...

Матушка снова начинает идти к себе. Отец догоняет ее тихим вопросом:

– А Миша пришел?

Достигнув кухни, матушка опять замирает:

– Шо ты кажешь?

– Миша, говорю, пришел?

Матушка затихает в размышлениях. Все-таки не разобрав сказанное, она возвращается на исходную позицию:

– Кто пришёл?

Отец, как ни в чем не бывало, повторяет:

– Миша-то пришел?

– Да пришел вроде... – неопределенно звучит ответ. Но чтобы удостовериться, она еще раз заглядывает ко мне, прищуривается и бормочет:

– Та лежит хтось... Миша ж, наверное...

Потом спохватывается и в который раз начинает движение к себе.

Наконец-то достигнув цели, долго роется в ящичке с лекарствами, шуршит всякими обертками, что-то падает, она бормочет, потом кричит из своей комнаты:

– Я вже забыла, шо тебе нести – мазь чи таблетку?

– Что ты говоришь? – на этот раз переспрашивает отец.

Магушка доходит до кухни и оттуда громко произносит:

– Шо тебе нести – таблетку от сна чи мазь от ног? А то забыла я уже...

– Та неси уже что-нибудь... – невозмутимо отвечает тот.

Мамуля шаркает к себе, оттуда – чоп-чоп – к отцу, дает ему что-то, потом шествует восвояси. Посередине маршрута ее опять застаёт врасплох вопрос отца:

– А Миша уже спит?

Мама снова затормозила. Потом:

– Шо ты опять кажешь?

– Миша спит уже?

– Та хто зна!

Она разворачивается и шествует ко мне. Я ей помогаю:

– Да сплю я, сплю.

– Ну, ось, тут он... И спит... – мама в нерешительности останавливается, не зная, что делать дальше. Зевает, чешет живот и шагает к себе. На кухне останавливается и произносит:

– Ой, я вже так устала ходить, шо сейчас усну!

– Что ты говоришь? – спрашивает отец.

– Та ты ж лежишь себе, а я хожу туды-сюды. Зараз и я засну.

И целеустремленно доплетается до своей кровати. Пружины радостно взвизгивают, свет гаснет...

А у отца горит ночник. Книжка лежит на животе, сам он уже похрапывает. Наверняка, в очках... И кругом тишина. Только в кухне громко тикает будильник...

Туризм

Стремление к нормальной жизни в сочетании с обескураживающей действительностью порождает безумную биографию.

После окончания журфака МГУ я поехал в Нижневартовск. Рядом, в Сургуте, живет родной брат. Это было единственной причиной моего распределения по собственному желанию на Север. И рванул туда. Один. После шести лет студенческой компанейской веселухи...

Через полгода загрустил до воя. И из Нижневартовска, где обещали квартиру, я махнул в Хабаровск, где ничего не обещали. Зато там была своя студенческая ай-яй-яй-компанья. Жил то у кого-то, то с кем-то... Снимал избушку даже. Чуть ли не за ведро угля... Впрочем, квартирный вопрос меня как-то не тяготил. Ну, нет – и нет.

Через два с половиной года решил умотать и из Хабаровска. Придуманная для самого себя сентенция «подальше от столицы – поближе к Богу» совершенно себя не оправдала...

Начал давать сигнал «sos» однокурсникам, осевшим в центральной части тогдашнего еще СССР. Одна знакомая телеграфировала: в каком-то подмосковном городке есть место в газете. Там дают, мол, прописку и квартиру (опять!).

Следом пришло письмо от лучшего друга по журфаку Сереги Шипотило. «Приезжай, – писал он, – ко мне в Чернигов. Увидимся хоть, да и проблему твою решим! Тут на телевидении нужны люди...»

«Ворох» этих сообщений я получал в Лимане, во время очередного отпуска.

Передо мной расстелилось распустье – куда податься? Спросил у мамы.

Та хто зна. Решай, Миша, сам. Як тебе самому больше хочется... Нам абы у тебя было все хорошо...

Семейная демократия, о которой мечтают многие дети...

Отец сказал:

– Чернигов – красивый город... Я в войну там был. Думал потом вернуться, чтоб в нем жить...

Мама спохватилась:

– Грыша, а ну неси атлас. Глянем, где тот Чернигов?

Папа вытащил карту СССР 1970 года. Втроем облепили территорию Советского Союза. Нашли.

– Ой, Ми-и-иша, ты ж дывысь – там так близко от Чернобыля! Ты шо?! – заволновалась мама.

– Ну, живут же люди, – слабо аргументировал я.

Словом, выбрал я этот украинский город. Там – друг, областное телевидение. А не какая-то городская газетенка...

ТВ там вещало на полурусском языке. Потому что существенная половина передач шла на украинском.

Ну и шо? Зато рядом – друг, с которым морковку тырили в каких-то колхозных полях в ожидании стипухи. Ну и шо, шо общежитие...

Через полгода я и оттуда – колобком. Украинизация росла как ядерный гриб.

– Чого цэ вы розмовляєтэ на російський мови? – с упреком спрашивали меня.

– Потому что работаю для русской диаспоры! – огрызнулся я.

У нас – медведь, там – ведмидь.

Я снова кинулся к однокашникам: «Хочу в Россию!» Они реагировали уже с улыбками: «Что, опять?!»

Пока меня носило по сторонам и весям, мои бывшие однокурсники устраивались в жизни стационарно. Одни взбирались по карьерной лестнице, другие делали себе «имя», окучивая

столичные газеты, третьи вообще ушли в торговлю... Один бывший кореш взметнулся на высоту главного редактора подмосковного еженедельника. Я приехал в Москву и пошел к нему. Он посоветовал обзвонить редакции Подмосковья: «Наверняка, где-нибудь кто-нибудь нужен!»

На букву «д» значилась Дубна. Я созвонился с редакторшей какой-то местной газеты. Она сказала слово «приезжайте». «Возьмем на работу» – эту фразу слышали мои собственные уши. Я даже удивился:

– А как же прописка?

– А мы сами по себе! Дадим запросто! – заверила она меня.

Я, будучи чересчур доверчивым, поверил. Вернулся в Чернигов, выписался, снялся с воинского учета. В графе «куда убыл» написал – в Дубну.

И убыл я.

Прибыл с чемоданом и авоськой в «пункт передислокации», появился перед святыми глазами редакторши. Оценив мой желтый чемодан, она произнесла:

– Вам что, собственно?..

– Так это ж я! Я ж к вам! Вы ж мне сказали!

– А прописка у вас есть? – это она-то мне-то.

– Так вы ж сказали, что дадите!!!

Она сказала – кто такое мог мне сказать? Я сказал, что это она лично мне по телефону и сказала. Тогда она сказала, что не могла такого сказать. Она могла много чего сказать, но чтоб тако-о-о-ое – ни-ког-да. И ни-ко-му.

И все.

...Вернулся я со своими махамотками обратно в первопрестольную. На вокзале меня пронзила мысль: «А где же, интересно знать, я буду ночевать сегодня? Да и завтра...» Ни много, ни мало – ход размышлений бомжа.

На следующие полгода (как оказалось!) я лихо обосновался у Володи Мартынова, однокашника и однокомпашника. В гостеприимной трехкомнатной квартире жили: его теща, тесть, жена, ребенок, он сам и я еще воткнулся. А славно жили, доложу я вам! Я посуду мыл, помнится... А еще говорят: «Москвичи-и-и-и, москвичи-и-и-и...»

Время от времени Вовка мне подбрасывал какие-то подработки. Между «шабашками» я искал что-то основательное. Но кто кому нужен в столице без прописки?

...Полгода ушло на тщетные поиски. Однажды мне посоветовали пройтись по заводским многотиражкам столицы. И я пошел, как оказалось, собирать фольклор.

...Кабинет редактора ЗИЛовской газетки был роскошным. Впрочем, хозяин кабинета тоже был подстать обстановке. Эдакий а-ля Брежнев. Или актер Матвеев. И в возрасте приблизительно том же...

Он сидел за огромным столом. Почему-то было такое ощущение, что из посетителей тут давно никого не было.

Я ему подал паспорт, диплом. Рассказал, что я – никто, ничто и звать меня никак. В принципе-то... Ну, журфак МГУ закончил...

Шеф насупил брови:

– Гений? – вдруг прорычал он.

– Кто?! – я ожидал чего угодно. Но такого – не ожидал.

– Вот ты – гений? – «Брежнев» ввинтил в меня суровый взгляд.

Я продолжал ничего не понимать и панически молчал.

– Ну да, гений. Все вы гении, – его рык перешел в громкое бурчание. Редактор медленно встал из-за стола и стал расхаживать по своей вотчине.

– А я вот, – он уперся кулаками на стол против меня, – закончил ВГИК.

Его глаза меня буравили под аккомпанемент разбухающей паузы. Будто я был виноват в том, что он закончил ВГИК, а «режиссирует» заводскую многотиражку. Я виновато опустил голову.

– Да! – вдруг с победоносной интонацией выкрикнул он. Затем повернул свое туловище и пошагал обратно к трону. Взял в руки мой паспорт, полистал его, потом потряс им в воздухе и снова прорычал:

– Уважаешь?!

– Кого?! – я начал понимать, почему в кабинете было так пустынно.

– Вот эту вот книжицу?!

Редактор стал походить на Маяковского.

– Да как вам сказать... – промямлил я, мысленно прощаясь с документами.

– Ну ладно, – тоном отца-командира продолжил шеф. – Что я могу сделать? У нас берут по лимиту. В цех. Иди поработай рабочим, попиши в стенную газету, в нашу... А мы посмотрим, что ты можешь. Понравишься – возьмем к себе. Понятно?!

Весь этот монолог был разбит многозначительными паузами. Мол, не так просто все в жизни дается. Заработать, мол, надо гордое звание корреспондента многотиражной газеты «Рессора» или как там ее...

Перспектива винтить гайки не то что не прельщала меня, а попросту отсутствовала – я путаю гайку с болтом, а диаметр с радиусом. По технической части я вообще гениальный бездарь и неумеха. А если бы смыслил в железяках, то на кой бы мне нужна была писанина эта?!

С благодарной дрожью я принял из рук редактора свои документы и рассыпался в благодарностях за внимание к моей безликой персоне. Вышел из кабинета задом и, кажется, так и шел до самого метро...

Следующий визит я нанес в редакцию как-то железнодорожной многотиражки. Это был орган не то Курского вокзала, не то Курского направления Московской ж. д., не то всей дороги в целом.

Редакция была закопана в каком-то огромном административном здании. Думал, что никогда в жизни не найду: «Повернете налево, спуститесь вниз, пройдете коридор, поднимитесь наверх, а там спросите еще».

... Помещение редакции напоминало улей: народу как пчел на один квадратный миллиметр. Миллиметров было мало, народу много и все это утопало в кипах бумаги. Чувствовалось, что руку здесь держат на пульсе. На пульсе буксы, наверное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.